

Явлинский Г.А.

Лекция, прочитанная в Российской Экономической
Школе ЦЭМИ РАН
17 апреля 2003 года,
17:00 – 19:30

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
И ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

Ежегодная Научная Конференция РЭШ
«Преобразование государственного сектора в экономике
переходного периода»
("Russian economic and political institutions in
transition")

План лекции

Предварительные замечания

Введение

1. Генезис современного российского капитализма: реформы 90-х годов и их исторический фон
2. Нынешняя хозяйственная и политическая система России: сущность и характеристика
3. Возможности и пределы системы
4. Условия и перспективы

Выводы и постановка исследовательских задач

Предварительные замечания

Благодарю за приглашение выступить в Российской Экономической Школе. Я считаю вашу школу, пожалуй, самой значительной экономической школой в России. Мне приятно, что вас хорошо знают и в мире. Выпускники школы отлично зарекомендовали себя в ведущих научных центрах Европы и Северной Америки.

На минувшей неделе в российских газетах появилось сообщение: «предчувствие банковского кризиса, о котором в кулуарах любят поговорить финансисты, обрело «научную» основу. Рейтинговое агентство «Standart and Poor's» считает 50 – 75% кредитов финансового сектора экономики России потенциально проблемными, равно как и в предкризисное время». Профессиональная пресса сделала очевидный вывод: риски российской банковской системы не снизились с 1998 г.

Что же это за экономическая система и что это за экономическая политика, при которой, начиная с начала 90-х и по сегодняшний день, важнейшие структурные элементы экономики находятся в состоянии, характерном для преддверия общенационального экономического дефолта?

Обсуждению этой темы и посвящена сегодняшняя лекция.

По роду моей основной деятельности мне всегда настоятельно рекомендуют при публичных выступлениях говорить, во-первых, коротко, во-вторых, только простыми словами.

Так вот, сегодня – это не будет коротко. Организаторы просили выступить в пределах одного часа тридцати минут, но, наверное, реально получится не менее двух часов. И уж точно не простыми словами. Редко удается выступать перед столь квалифицированной аудиторией, как ваша, да еще и в Российской Академии Наук. Так что я заранее прошу меня извинить за столь

объемную по времени лекцию и набраться терпения. Моим оправданием является, прежде всего, сложность предмета и его существенность для будущего нашей страны.

Исследования этой проблемы были начаты нами в 1990 г. и первый научный доклад был сделан в 1993 г. На семинаре профессора Элмана на факультете экономики Амстердамского университета, потом опубликован в журнале «Comparative Economics», а в 1995 году в России вышла работа «Уроки экономической реформы». В 2000 году новые результаты исследований теории вопроса и ее экономико-математическое и статистическое моделирование были изложены в специальной монографии, опубликованной «Princeton University Press», более 2-х лет публиковались рецензии в американских и европейских специальных изданиях, шла дискуссия. Полгода назад нами была опубликована работа под названием «Демодернизация», раскрывающая политический аспект проблемы.

Мы опираемся на стандартную статистическую базу и официальные данные, а также на собственные расчеты. В целом для выводов, которые мы делаем, имеющейся статистической базы и ее производных в основном достаточно.

Лекция посвящена болезненным проблемам, большинство из которых остаются вне пристального внимания экономистов. Поэтому в ней немало критических замечаний, которым я в данном случае просил бы не предавать политического значения.

В одном выступлении, даже таком продолжительном, я не претендую на исчерпывающий анализ, а кроме того, не ставлю задачу изложить рецепты.

Прежде, чем начать, хочу поблагодарить всех, кто уже тринадцать лет участвует в этой работе: Алексея Михайлова, Сергея Брагинского, Сергея Иваненко, Виталия Швыдко, Михаила Задорнова, Алексея Мельникова, Сергея Дона, Виктора Когана-Ясного, Андрея Пионтковского.

Введение

В принципе говорить об экономике и экономической политике в России можно сколь угодно много. Эта тема очень обширная и достаточно благодарная в том смысле, что на ее примере можно иллюстрировать и делать предметом дискуссий самые различные гипотезы и положения. Однако сегодня я предполагаю в своем выступлении в пределах отведенного мне регламентом времени остановиться только на одном аспекте, который, пожалуй, мне наиболее близок в плане моего личного опыта и моих интересов. А именно, я бы хотел сосредоточить свое и ваше внимание на политэкономическом аспекте того, что в последние двенадцать лет происходило и продолжает происходить с российской экономикой и тем, что за ней стоит (а это жизнь нашего общества в целом), и может произойти в ближайшей исторической перспективе.

Вначале я полагал бы полезным еще раз обратиться к опыту десятилетия 1990-х годов и политики, которая проводилась все это время сменяющимися друг друга "рыночными" правительствами, попытаться оценить, что именно из задуманного не получилось и почему, и в чем, собственно, причины того, что спустя довольно длительное время после начала реформ мы имеем в стране общественно-экономическую систему, принципиально отличающуюся от модели, взятой в свое время в качестве ориентира. Во второй части выступления я бы позволил себе подробнее остановиться на характеристике системы, которую мы общими усилиями у себя в стране построили, а затем попытаться взглянуть на нее с точки зрения того, какие возможности она предоставляет и какие ограничения накладывает на экономическое и социальное развитие страны. Наконец, в последней части я хотел бы попытаться оценить наши перспективы, исходя из возможностей сложившейся у нас системы и тех условий, прежде всего глобального свойства, в которые Россия сегодня оказалась поставленной.

1. Генезис современного российского капитализма: реформы 90-х годов и их исторический фон.

Цели реформ и их результаты: что не получилось?

Говоря о десятилетии, которое в общественном сознании устойчиво ассоциируется с понятием "рыночные реформы", прежде всего необходимо признать, что экономические реформы (или, во всяком случае, то, что за них выдавалось) привели к результату, отличному от общественных ожиданий, а также от целей, провозглашавшихся инициаторами и сторонниками общественных перемен. В данном случае я не имею в виду количественные параметры – темпы экономического роста, инфляцию, уровень и качество потребления и т.п., хотя и они, безусловно, имеют важное общественное значение. Все же более важными мне представляются качественные задачи и цели, в первую очередь создание в стране новой социально-экономической системы, поскольку в долгосрочном плане именно она, эта система, определяет и степень динамизма экономики, и уровень жизни населения, и перспективы решения основных общественных и экономических проблем.

Так вот, экономическая система в России в результате реформ 1990-х годов, безусловно, кардинально изменилась по сравнению с советским периодом. В то же время сформировавшаяся новая система коренным образом отличается не только от советского планового хозяйства, но и от первоначально провозглашенных целей и ориентиров. В принципе, то, что при реформировании экономики реальность может в итоге отличаться от первоначальных планов – нормально и естественно. В конце концов, экономика – это не физика, и точное прогнозирование, не говоря уже о планировании, здесь в принципе невозможно. Проблема – в том (и я на этом настаиваю), что в нашем случае расхождения имеют очень глубокий, принципиальный характер.

Что первоначально задумывалось – общеизвестно: конкурентная рыночная экономика с ясными и прозрачными правилами игры, обеспечивающая эффективное распределение и использование ресурсов, быстрый и устойчивый экономический рост, равновесие в отношениях с внешним миром при разумной степени открытости экономики и стабильную финансовую систему, включающую в себя прочную бюджетную систему, устойчивую полноценную национальную валюту и динамичный банковский сектор. Разумеется, реализация этой цели предполагала определенную этапность – не все и не всегда должно было получиться быстро и с первой попытки, но в целом уже в течение нескольких лет предполагалось сформировать прочные основы для экономики вышеописанного типа.

Что же получилось? Подробнее мы это сформулируем чуть позже, а пока можно сказать – **возникла система принципиально иного характера**, в которой в масштабе экономики в целом не была реализована ни одна из названных основных характеристик. В стране **не сложились** условия для эффективной внутри- и межотраслевой конкуренции; **не создан** механизм рыночной концентрации и накопления капитала у эффективных фирм; **не сформировался** необходимый набор стимулов для эффективного производительного использования ресурсов; **не выстроена** система прозрачных и соблюдаемых всеми основными участниками правил экономической игры. Я назвал здесь только самые базисные вещи – вообще же список нереализованных условий может быть очень длинным. Так, в российской экономике по большому счету отсутствует **механизм стимулирования эффективного роста**: в течение пяти лет после начала реформ в экономике наблюдался спад производства, но и после его окончания механизм роста работает слабо и дает постоянные сбои. **Структура хозяйства** (как отраслевая, так и структура используемых ресурсов) не только не улучшается, но и, в качестве тенденции, скорее регрессирует. **Доля накопления** осталась на очень низком для

растущего хозяйства уровне (порядка 20%), а **размер инвестиций**, которые экономика способна генерировать и переварить, – более чем скромным. В стране так и не сформировалась ни полноценная **национальная денежная система** (не секрет, что рубль сегодня выполняет функции скорее вспомогательной, чем единственной или хотя бы основной денежной единицы), ни **банковская система**, способная выполнять свою главную функцию – финансировать эффективные инвестиции.

Сравнение нынешней экономической системы с советской плановой экономикой в научном отношении, с моей точки зрения, бессмысленно. Уход от советской системы есть сам по себе жизненно важный, громадный исторический шаг вперед. Прежде всего, мы избавились от удушающей атмосферы тоталитарного государства, и те проблемы и неудачи, с которыми мы сегодня сталкиваемся, являются предметом общественного внимания и обсуждения. Мы покончили с всеобщей экономической и личной зависимостью от государства, получили возможность независимой хозяйственной деятельности и, по крайней мере, декларировали весомый набор гражданских и личных свобод, включая свободу слова, совести, выбора рода занятий и места жительства, свободу передвижения и право на собственность и многое другое. В экономической сфере мы получили основы рыночной экономики, включая институт частной собственности и ограниченный по сфере действия, но тем не менее – механизм конкуренции.

И все же, наряду с реальными изменениями в исторически правильном направлении, о которых я только что сказал, я не склонен рассматривать итоги десятилетия реформ как успех. В первую очередь потому, что в список нереализованных задач попали слишком важные со всех точек зрения вещи, чтобы списать их как неизбежные издержки или малозначимые отступления от первоначального плана.

Почему так произошло?

На мой взгляд, здесь можно выделить несколько «слоев» различных факторов или причин, в итоге не позволивших в прошлом десятилетии в исторически короткие сроки эффективно реформировать советскую экономику. Я бы, в частности, отметил здесь **три группы причин разного порядка** – это, **во-первых**, недопонимание того, от чего мы, собственно, пытались уйти, то есть природы советской экономики. **Во-вторых**, это ошибки, допущенные при определении содержания и последовательности мер экономической и социальной политики. Наконец, **в-третьих** (и это самый глубинный слой) – это то, что истинные интересы и мотивы власти по большому счету не были связаны с декларировавшимися целями создания прозрачной и конкурентной рыночной экономики и обеспечения минимальной социальной защиты населения.

Все названные положения я готов здесь обосновать и аргументировать более подробно.

Неучет реалий советской экономической системы

Итак, первое: в чем заключалась неадекватность восприятия экономики советского типа?

◆ Прежде всего, почему-то считалось аксиомой, что в принципиальном плане советские «социалистические» предприятия ничем не отличались от классических капиталистических фирм, и единственное, что требовалось сделать для формирования на их базе эффективно работающей рыночной экономики – это передать их в частную собственность и освободить от директивного планирования.

Между тем **советские предприятия** были **специфическим экономическим явлением**, к которому неприменимы абстрактные положения теории капиталистической фирмы, теории конкуренции, основ корпоративного управления и т.д. Никогда (во всяком случае со времени сворачивания нэпа) эти предприятия не были

самостоятельными хозяйствующими субъектами – это были просто своего рода большие цеха, звенья большой системы государственного планового хозяйства, принципиально неспособные в течение считанных месяцев, как этого ожидали реформаторы, трансформироваться в самодостаточных экономических агентов, способных эффективно выполнять все функции фирмы в традиционном капиталистическом хозяйстве. Не было у них для этого ни средств, ни условий, ни (что не менее важно) предыстории. Приватизация в этом плане ничего не меняла – формальный юридический статус можно сделать каким угодно, но реальную мотивацию и содержание экономического поведения хозяйствующего субъекта определяет не статус, а природа этого субъекта и те реальные условия, в которые он оказывается поставлен. В дальнейшем мы видели, как люди, которых в процессе приватизации назначили собственниками советских предприятий, вели себя вопреки всем исходным допущениям теории фирмы, разрушая и разоряя якобы принадлежавшие им предприятия. И даже в тех случаях, когда руководители предприятий искренне пытались вести себя, как капиталистические менеджеры, быстро обнаруживали, что в том виде, в котором они это предприятие получали, оно в принципе не могло быть использовано для хозяйствования в рыночных условиях; что условием для этого является коренное преобразование как внутренней структуры предприятия, так и системы построения его отношений с внешней экономической средой.

◆ Далее, внутри отраслей производственная структура советской экономики была выстроена таким образом, что основным ее **принципом** был **монополизм**. Мы все еще помним, как советское плановое хозяйство боролось с так называемым параллелизмом или дублированием функций, которое считалось признаком неэффективности. Говоря языком экономической теории, в системе, где конкуренция считалась формой растраты ресурсов, вся логика построения производственных и распределительных

систем базировалась на принципе монополии как идеала эффективности и исключала возможность ее функционирования на иных, нежели директивное планирование, началах. В сущности, практически неразрешимые проблемы, с которыми сталкиваются все это время попытки реформировать газовую отрасль, электроэнергетику, железные дороги и связь (это лишь наиболее яркие примеры, которые у всех на слуху) в большинстве своем коренятся в заложенной в советское время производственной структуре в этих сферах. Между тем все это, пусть и в менее ярко выраженной форме, было характерно для любой крупной отрасли. Ни в металлургии, ни в химической промышленности, ни в какой-либо другой основной отрасли промышленности на конец 1980-х годов не было условий для мгновенного (по историческим меркам) возникновения конкурентной среды, которая если бы и не выполняла роль механизма, обеспечивающего повышение эффективности, то хотя бы дисциплинировала субъекты новоявленного российского капитализма.

◆ Следующий момент. Власти неявно исходили из допущения, что в стране скрыто существовали некие ресурсы капитала, которые с отменой государственной монополии на экономическую деятельность и директивного планирования якобы станут источником финансирования инвестиций и роста производства. На каком основании делалось такое допущение – загадка. Все программы капиталовложений в экономике СССР последних советских десятилетий определялись директивно и главным образом в натурально-вещественной форме. Никакой аккумуляции и перераспределения капитальных ресурсов посредством денежной системы не происходило – за пределами ограниченной сферы личного потребления денег как таковых вообще не существовало – были лишь учетные записи административно осуществляемого перемещения ресурсов, выраженные в рублях как неких условных учетных единицах. Соответственно, Госбанк СССР и его специализированные подразделения не имели ничего общего с

банковским сектором в зрелой рыночной экономике, за исключением исторически унаследованного названия. Соответственно, не было никаких оснований предполагать, что подобная система окажется в состоянии финансировать рост экономики огромной страны. Тем не менее, реформаторы первой волны, похоже, всерьез принимали советские спецбанки за банки, бухгалтерские проводки – за движение капитала, а учетные записи – за деньги. Кстати, как это ни парадоксально, при этом те рубли, которые единственно и обладали свойствами реальных денег – заработную плату и сбережения населения – те же реформаторы посчитали за чистую условность и фактически отменили в первый же месяц своих реформ (но это уже другая тема).

◆ Наконец, еще один важный момент. Ни для кого, кто работал в системе управления и имел возможность наблюдать советскую экономику «изнутри» не должно было быть откровением, что в основе ее функционирования лежали не только директивные планы, но и своеобразный **теневой рынок**. Я не имею здесь в виду банальный черный рынок – неизбежный спутник распределительной системы с ее хроническими дефицитами потребительских благ и, соответственно, возможностями их реальной продажи и перепродажи вне рамок официальной системы. В данном случае я говорю о более широком явлении – наличии негласных правил или, если угодно, понятий, на основании которых происходил **обмен услугами между управленцами** различных сфер и уровней. Государственный план не мог быть на 100 процентов реальным, не мог предусмотреть всех деталей и неизбежных, часто неожиданных изменений. Отсюда неизбежно возникала необходимость самостоятельной активности управленцев-менеджеров для решения поставленных перед ними задач. Соответственно, **параллельно логике плана возникала и действовала логика своеобразного теневого рынка, когда одни ресурсы и услуги обменивались на другие**, иногда с прямой выгодой для участников обмена, иногда

без таковой, но в любом случае с осознанием ими своей власти над благами и возможностями, оказавшимися в их распоряжении. Другими словами, **попытка перейти от планового хозяйства к рыночному имела своим исходным пунктом не абстрактную модель чисто директивной экономики, а такой тип хозяйства, где официальная плановая экономика не просто дополнялась, но и была глубоко пронизана отношениями параллельно существовавшего административного рынка.** В процессе так называемых «реформ» начала 1990-х годов рыночные отношения не создавались на белом холсте социалистической экономики, они привносились в уже существовавшую систему неформальных отношений по поводу распоряжения ресурсами и собственности на них – отношений, игнорирование которых могло привести и действительно привело к серьезным и опасным деформациям в создаваемом новом хозяйственном механизме.

Ошибки экономической политики

И здесь мы подходим ко второй из трех групп причин неудачи реформ, которые я назвал в начале своего выступления, а именно – ошибкам, допущенными при определении содержания и последовательности мер экономической политики.

♦ В значительной своей части эти ошибки были обусловлены недопониманием природы советской плановой экономики, о котором я только что говорил. Так, например, с искаженным представлением о советском «социалистическом» предприятии непосредственно связано **механистический подход к приватизации и чрезмерные представления о ее возможностях и эффекте.** Последняя была сведена к изменению формального юридического статуса предприятий, проведенного в виде массовой кампании в качестве единовременного акта, когда **отдельно существовавшие звенья директивной экономики просто объявили частными фирмами,** частью оставив вообще без хозяина, а частью передав в безвозмездное пользование кому-то из числа желающих. Под

влиянием и при непосредственном участии международных финансовых организаций, в первую очередь Всемирного банка и МВФ, верстались планы мгновенной приватизации сотен и тысяч крупнейших заводов, которая **по сути была сведена к переписи данных в реестре** в пользу никому не известных фирм и людей.

Кстати говоря, под эти действия была подведена и соответствующая теоретическая база. Позволю себе сослаться на Джозефа Стиглица, который, занимая пост главного экономиста Всемирного банка, имел возможность наблюдать ситуацию что называется «изнутри». Так вот, в своей недавней публикации по поводу экономической ситуации в России он прямо пишет, что главными постулатами политики МВФ и американского министерства финансов в отношении российских реформ было во-первых, утверждение, что реструктуризация [предприятия] невозможна до его приватизации, а во-вторых, тезис о том, что форма приватизации не имеет значения. Сам же Стиглиц утверждает (я позволю себе привести цитату): «Теоретические исследования и практика Всемирного банка и других организаций, в частности в случае Польши и ряда других стран, избравших иной путь, показали, что реструктуризация экономики возможна и до приватизации, а также то, что способ, которым проводится приватизация, имеет важное значение как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Приватизация без хорошего корпоративного управления обычно приводит не к быстрому росту, а, напротив, к целому букету проблем» (конец цитаты).

Каков был эффект от приватизации – общеизвестно: падение объемов производства, рентабельности, катастрофическое сокращение инвестиций при росте всех видов задолженности, прямом и скрытом уводе или утрате предприятием всех видов ценных активов. К середине 1990-х гг. мы имели огромное количество приватизированных предприятий в самых различных отраслях промышленности с неэффективным управлением, убыточным производством, огромными задолженностями перед бюджетом и

своими работниками, непрозрачными и полукриминальными схемами реализации. Даже в тех случаях, когда хозяевами предприятий оказывались реально работающие частные предприниматели, они не имели достаточных финансовых и управленческих ресурсов для того, чтобы модернизировать и эффективно использовать оказавшиеся в его распоряжении мощности. В этих условиях продолжавшаяся форсированная распродажа еще остававшихся в собственности государства промышленных активов сложившимся к тому времени финансовым империям лишь отвлекала их и без того небольшие ресурсы на борьбу за все новые куски собственности, которые они были не в состоянии переварить.

В свое время много было сказано на тему непрозрачности процесса приватизации крупных предприятий, особенно в сырьевом секторе, и расцветшей на этой основе коррупции. Но в данном случае вопрос о степени допущенных злоупотреблений не является самым важным – в любом случае ущерб от них был меньше, чем ущерб, нанесенный самим процессом конвейерной приватизации. На деле к массовой приватизации крупного производства можно было приступить только на фоне формирования широкого слоя мелкого и среднего частного бизнеса, ибо только он способен помочь настоящим, а не «назначенным» предпринимателям аккумулировать средства и опыт для участия в приватизации крупного производства и обеспечить тем самым конкурентность и относительную честность этого процесса.

◆ Большой ущерб, на наш взгляд, нанесло **игнорирование факта встроенного в советскую экономическую систему монополизма**. . Рецепт «либерализация плюс приватизация в рекордно короткие сроки» на деле означал освобождение от контроля фактических монополий. Другими словами, **вместо либерализации рыночной экономической активности произошла либерализация приватизированных монополий**. Частная собственность без конкуренции – явление экономически и политически еще более вредное, чем собственность

государственная. Это просто замена государственного волюнтаризма на частный произвол, который снижает степень эффективности хозяйственной системы на как на микро-, так и на макроуровне.

Очевидно, что с точки зрения и экономической логики, и здравого смысла **переходный период может и должен был начинаться с создания конкурентной среды** или хотя бы ее основ. Мы же и сегодня, спустя 11 лет после начала так называемых «радикальных реформ» вынуждены констатировать, что огромная, если не преобладающая часть частных предприятий в той или иной степени поддерживаются объективно существующими или сознательно поддерживаемыми элементами монопольного контроля над рынком. Тот факт, что министерство по антимонопольной политике чаще всего не обнаруживает таких элементов, отнюдь не означает, что их нет – практика обнаруживает их во множестве и буквально на каждом шагу.

◆ Далее. Я уже говорил, что подавляющая часть экономических институтов советского периода если и имели что-то общее с институтами рыночной экономики, то только общие с ними названия, которые в нашем случае лишь вводили в заблуждение, причем отнюдь не невинного свойства. Не было в стране ни денежной, ни банковской системы в современном их значении, ни рынка капитала, ни рынка капитальных благ. Хозяйственное законодательство, соответствующая ему система судопроизводства, механизм охраны контрактного права, механизм защиты прав акционеров и собственников, процедура и механизм банкротства – все это еще предстояло создать. Причем порядок, последовательность действий имели здесь важнейшее, принципиальное значение: если формирование вышеперечисленных институтов предшествует приватизации и либерализации, формируется одна система отношений и соответствующий ей предпринимательский класс, если оно откладывается «на потом» или происходит по мере возможности – закрепляется совершенно

иная система и иной менталитет бизнеса. В нашем случае **институциональные реформы хронически отставали от истинных потребностей в них экономики.** В результате бизнес-класс исходил из того, что было в реальности и заменял необходимые институты их эрзацами – вместо полноценной национальной валюты использовал иностранную, вместо банков – теневой капитал, вместо государственной юстиции – частную, вместо налогов – откуп и так далее. А уже после этого попытки создать настоящие институты чаще всего оказывались бесполезными – создаваемые институты просто стихийно встраивались в уже сложившуюся практику нелегитимных отношений, превращаясь либо в инструмент кормления для прикрепленных к ним чиновникам, либо в бессмысленную декорацию.

Институциональные реформы, которые были как воздух необходимы для формирования новой экономики, способной решить стоявшие перед страной задачи, фактически были отодвинуты даже не второй, а, скорее, на третий или четвертый план, а главной задачей были провозглашены приватизация, либерализация и финансовая стабилизация.

◆ Последняя, кстати, на долгие годы превратилась в своего рода **фетиш экономической политики**, поскольку в наличии бюджетного дефицита и инфляции видели источник всех проблем и главное препятствие для экономического роста. С позиций сегодняшнего дня, я думаю, кажется очевидным, что на самом деле инфляция, как и бюджетный дефицит, – это всего лишь следствие более глубоких институциональных дефектов системы, и бороться с нею, не ликвидируя сами дефекты – это не осмысленная экономическая политика, а ее бессмысленная имитация.

Это же относится и к курсу на скорейшую либерализацию экономической деятельности. В принципе нет и не может быть возражений против снятия большей части ограничений, искажающих действие рыночного механизма и порождающих ложные сигналы,

ведущие к неоптимальному, неэффективному распределению ресурсов. В то же время такое снятие ограничений имеет смысл только в том случае, если в соответствующих сферах реально действует рыночный механизм, способный самостоятельно обеспечить оптимальное распределение ресурсов и их эффективное использование. В тех же случаях, когда мы имеем дело с фактической монополией, или криминально-бюрократическим контролем над соответствующим сегментом экономического пространства, формальная либерализация на деле означает лишь легитимизацию монопольной сверхприбыли и закрепление связанной с ними колоссальной неэффективности экономики в целом. На деле происходило именно последнее – либерализация не развязывала свободу конкуренции, а превращала в законное занятие снятие фактическими монополиями сливок с подконтрольных им сфер и отраслей. В результате, к великому сожалению, либеральное поле сужалось, а не увеличивалось.

Кстати говоря, опыт показал, что для стран, экономика которых опирается на природные ресурсы (нефть, газ, цветные металлы, лес, и тому подобное), институциональные реформы являются первым и абсолютно необходимым условием сдерживания коррупции и повышения эффективности экономики.

Если же хозяйство страны располагает, в основном, только трудовыми ресурсами, тогда макроэкономическая стабилизация становится главным элементом экономической политики повышения эффективности.

Правильное сочетание институциональных преобразований и финансовой стабилизации абсолютно необходимо, но это тема специального разговора.

Еще одна крупная проблема, в отношении которой не было найдено адекватного решения – **последовательность действий при осуществлении собственно либерализации**. Все помнят, сколько копий было сломано вокруг проблемы так называемого **«инфляционного навеса»** – неравновесия между денежной массой в

экономике, и в первую очередь средств на руках у населения, и объемом товарного предложения при фиксированных ценах. Действительно, к концу 1980-х годов это неравновесие становилось все более заметным, а к концу 1991 г. приобрело действительно угрожающие масштабы, поскольку начавшийся производственный кризис физически сокращал товарное предложение, а политический - привел к утрате контроля за ростом денежной массы. Последняя превышала товарное предложение при условии сохранения фиксированных цен, по нашим оценкам, примерно в 3 раза, и проблема действительно требовала срочного решения. Как известно, правительство «реформаторов» решило проблему предельно просто - отпустив цены в условиях неравновесия, оно позволило покупательной способности сбережений и фиксированных доходов официально уменьшиться в несколько раз, и одновременно - запустило спираль гиперинфляции, которая в течение года (инфляция в 1992 г. составила 2600%) полностью ликвидировала все сбережения советского периода, фактически произведя их конфискацию у 90 процентов населения. Официальное объяснение причин было столь же простым - другого способа ликвидировать этот навес якобы не было. Между тем никто не представил убедительного объяснения, почему нельзя было увеличить противостоящий денежной массе объем благ за счет включения в него тех их категорий, который в условиях плановой экономики не подлежали обмену на деньги - средств производства, земли, жилищного фонда и т.д. Да, при этом был бы нарушен принцип равенства прав собственности граждан на общественное достояние, но по сравнению к тем огромным обманом, который произошел в результате аннулирования трудовых сбережений, а затем - его логического продолжения в виде ваучерной приватизации, это нарушение было бы несравненно меньшим злом и имело бы на порядок меньшие негативные социальные последствия, чем те, что мы имели возможность фактически наблюдать. На самом деле **фактор доверия к власти**, к

ее политике – это важнейший экономический фактор, и ощущение населением несправедливости, творимой по отношению к нему властью, то есть в конечном счете государством, наносит экономике колоссальный ущерб, несоизмеримый с тем фискальным выигрышем, который правительство получает в результате отказа от собственных долговых обязательств, каковыми являются в том числе и эмитированные от его имени деньги.

Финансовая стабилизация, которая ценой огромных социальных жертв и деформаций, в том числе ценой дефолта по государственным облигациям, в основном была достигнута к концу 1990-х годов, действительно была необходима, но не после, а до начала либерализации и приватизации; и не за счет населения, потерявшего в итоге доверие и к власти, и к легальным экономическим институтам, прежде всего к банковской системе, а за счет ресурсов, которые к концу советского периода были накоплены в руках государства и его органов. Такая возможность на тот период реально была, и именно поэтому программа «500 дней», о которой большинство присутствующих, возможно, слышали, была реальной и в целом осуществимой.

Мотивация власти: абстрактные цели и реальные интересы

Вот, в первом приближении, основные ошибки, допущенные при попытках осуществить либеральные рыночные реформы и обусловившие в конечном итоге их неудачу. Вместе с тем я не могу не сказать и о третьей группе причин, которые, на мой взгляд, сыграли не меньшую роль в том, что события приняли именно тот оборот, свидетелем которого мы стали. Я убежден, что истинные интересы и мотивы власти, которая взяла на себя ответственность за историческую судьбу России в 1991 г. по большому счету никак не были связаны с декларировавшимися целями создания прозрачной и конкурентной рыночной экономики и обеспечения минимальной социальной защиты населения. На самом деле разговоры о демократической рыночной экономике и,

соответственно, политических и экономических реформах, призванных обеспечить ее становление, были не более чем идеологическим прикрытием для куда более прозаичных задач и целей.

На самом деле **новую систему формировали не либералы-реформаторы, а наиболее энергичная и «голодная» часть старой советской бюрократии.** Формировала ее под себя, под свой менталитет и свои интересы – разговоры о рынке, конкуренции и тому подобных вещах интересовали правящую элиту лишь в той мере, в которой это было необходимо для обеспечения политической поддержки нового правящего класса. Что же касается реальных действий, то любые меры, ограничивавшие для правящей элиты свободу распоряжения доставшимся ей от советской эпохи наследством, были для нее неприемлемы. Первой и главной задачей переходного периода в понимании тогдашней власти было обеспечение ее собственных имущественных и политических интересов, и в первую очередь использование оказавшейся в ее руках власти для реальной приватизации активов бывшего советского государства. Субъективные ощущения, планы или представления отдельных представителей нового правящего класса по большому счету не имели значения, хотя в ряде случаев, я охотно допускаю, они искренне ставили задачу построения в России общества западноевропейского или американского типа. Важно другое – общее коллективное сознание этого класса, его представление о допустимом и недопустимом, возможном и невозможном, желательном и нежелательном и т.д. обеспечивало принятие правящим классом именно тех решений, которые создавали условия для успешной конвертации власти в собственность и наоборот. Напротив, те законы или решения, которые могли бы способствовать созданию условий для относительно честной рыночной конкуренции, фактически саботировались, а их воздействие на реальную экономику практически было сведено к нулю.

2. Нынешняя хозяйственная и политическая система

России: сущность и характеристика.

В следующей части своего выступления я бы хотел подробнее остановиться на вопросе: а что же мы получили в качестве результата реформ 1990-х? В какой системе отношений сегодня живет страна и что, соответственно, определяет траекторию ее будущего экономического развития?

Исходным пунктом моих рассуждений является следующий тезис: в результате деятельности ряда " правительств эпохи президента Ельцина в России сложилась политико-экономическая система, весьма отличная от классических представлений о рыночной демократии и принципах ее функционирования. При этом речь идет не о некоем переходном этапе от плановой экономики к рыночной, когда все основные механизмы демократического рыночного хозяйства уже созданы, но еще в полной мере не функционируют, а об **особом типе хозяйства, имеющем свою собственную логику, которая не сводится к сумме или переплетению черт плановой экономики, с одной стороны, и современного рыночного хозяйства - с другой.**

Действительно, многие явления и черты, рассматривавшиеся в первые годы послесоветского периода как временные и преходящие, как следствие переходного характера российской экономики, образовали основные, базисные черты нового экономического порядка - экономического строя ельцинской и пост-ельцинской России. Ниже я попытаюсь их тезисно обрисовать.

Базисные черты

Преобладание в экономике неформальных отношений

Прежде всего, многие заблуждения и недоразумения по поводу российской экономической системы и российской экономики вообще связаны с недооценкой роли в экономике страны различного рода **неформальных отношений** – правил и норм экономического поведения, которые не устанавливаются формально действующими в стране законами и отличаются от описываемых ими. Эти правила и нормы сформировались как стихийная реакция на разрушение хозяйственного механизма, действовавшего в 1980-е годы, которое сопровождалось принятием совершенно неадекватной правовой базы, которая не признавалась и отвергалась подавляющей частью экономических субъектов.

Совокупность этих правил, а также экономической активности, ведущейся в соответствии с ними, достаточно точно отражается термином **"неофициальная экономика"**, в рамках которой в России реально производится преобладающая часть валового национального продукта страны. В данном случае я не имею в виду не только неучитываемую или нерегистрируемую экономическую активность, или то, что принято называть "теневой экономикой". Я в данном случае говорю о более широком понятии, то есть деятельности, которая не обязательно является скрытой, но тем не менее ведется вне или с нарушением установленных законом рамок и принципов, например с использованием мнимых платежей, незаконных или всякого рода экзотических форм расчетов, занижением или завышением оценок и цен, лжеэкспорта, использованием незаконных льгот и т.п. Такого рода отношения господствуют не только в той части экономики, которая скрыта от учета и налогообложения, но в значительной части и в открытой, не скрываемой от государственных органов деятельности, что, кстати, является причиной целого ряда мнимых парадоксов и проблем. Неофициальная экономика существует не отдельно от официальной, или легальной, а как бы пронизывает ее, внося в поведение

предприятий коррективы и особенности, не объяснимые в рамках законов и официальных правил хозяйственной деятельности.

В результате складывается положение, когда официально фиксируемая и доступная количественному анализу деятельность, равно как и ее условия, являются лишь внешней оболочкой, за которой скрывается и действует **вторая, параллельная экономика, работающая на иных условиях и в иной деловой среде**. Эта параллельная экономика базируется на договорных отношениях, которые не всегда и не обязательно фиксируются в форме письменного контракта. При этом нормы официально узаконенного хозяйственного права действуют в тех пределах и в той степени, в которых они не противоречат стихийно устоявшимся нормам экономического поведения. Расчеты между экономическими агентами определяются по взаимной договоренности и состоят из официальной и неофициальной частей, причем вторая из них отличается богатым разнообразием форм, включая бартер, предоставление различного рода услуг, денежные платежи с использованием третьих лиц и организаций и т.п.

Исполнение договоренностей при этом обеспечивается частным образом, то есть либо вообще без использования легального арбитража и судебной системы, либо с использованием их в качестве формального прикрытия. Отношения между экономическими агентами строятся на принципе принадлежности каждого субъекта к той или иной группе, которая и берет на себя роль гаранта исполнения договоренностей. Информация о реальном финансовом положении предприятия, как правило, в своем распространении ограничивается членами той же группы и тщательно оберегается от внешних по ней предприятий и институтов. Это же относится и к вопросам о реальных собственниках, схемах организации управления и финансовых потоков и т.п. – вся соответствующая информация, как правило, закрыта для всех, кто не входит в узкий круг посвященных.

Особая роль власти в экономических отношениях

Неофициальная экономика с неизбежностью требует для своего функционирования и неофициальной системы власти, понимаемой как **возможность контролировать основные хозяйственные ресурсы и их использование**. В таком ее понимании власть, конечно, обязательно сопряжена в той или иной степени с официальными властными институтами, однако не совпадает с ними, поскольку важную, а подчас и главную роль в ней могут играть и люди, не обладающие административным статусом – руководители и владельцы доминирующих на данной территории предприятий, руководители официальных и неофициальных силовых структур и т. д. В любом случае основанием для осуществления властно-распорядительных полномочий является не формальный мандат на власть (в виде официального статуса главы администрации), а реальная возможность контролировать распределение и использование экономических ресурсов – хозяйственных территорий, объектов инфраструктуры, людских и денежных ресурсов

Мнения по важнейшим вопросам людей, олицетворяющих собой эту власть, в большинстве случаев воспринимаются всеми основными институтами, включая и судебные инстанции, как указания к действию. Соответственно, они крайне редко оспариваются и почти никогда не игнорируются всеми заинтересованными сторонами.

При этом **государство в целом не выполняет, и, более того, органически неспособно выполнять роль беспристрастного арбитра** в хозяйственных спорах и гаранта исполнения контрактов. Функцию последнего, как я уже сказал, вынуждены брать на себя сами хозяйствующие субъекты, полагаясь на собственную силу или силу своих покровителей, то есть главным образом на **неформальную, своего рода "частную" юстицию**.

В результате складывается положение, когда не только экономика, но и общество в целом, в том числе и государство,

живет по неписанным правилам, не зафиксированным в официальном праве. И граждане (особенно социально активная их часть), и властные органы в этих условиях действуют не на базе закона, а на основе личных отношений, прецедента, способности к принуждению и тому подобных вещей.

Особенно ярко это проявляется в случаях, когда речь идет о крупных хозяйственных интересах: единственным реально значимым фактором для определения результата здесь является не закон, а способность заинтересованного субъекта любыми доступными ему способами провести в жизнь свое решение или обеспечить свои интересы в конфронтации с другими, противодействующими ему интересами. Внешняя видимость законности при этом может соблюдаться, а может - и нет. Средством принуждения может выступать административный ресурс, контроль над рынком или его субъектами или прямое насилие, но в любом случае оно базируется на неформальном "праве" - праве сильного.

С другой стороны, **сама эта власть является объектом конкуренции со стороны различных групп интересов, взаимодействие которых и определяет состав и характер власти на каждый данный момент.** Группы могут быть организованы по разным признакам общности, в частности по территориальному, отраслевому, корпоративному и клановому принципам, и иметь разную степень внутренней интегрированности. Различны и конкретные формы организации данных групп - это и официальные органы власти, и полуофициальные структуры, включая общественные монополии различных уровней, и крупные частные предприятия, и разнообразные финансовые структуры с той или иной степенью государственного участия либо без таковой. При всем многообразии форм все эти структуры, однако, объединяет два основных признака - 1) реальный контроль над значительными хозяйственными ресурсами и 2) преимущественно внеправовая (политико-административная или криминальная) основа такого

контроля. Последнее означает возможность принуждения (теми или иными методами) в отношении тех, кто не признает права группы на такой контроль.

Особенности права собственности

Параллельно с такими родами отношениями, а отчасти и в их результате в стране сложилась ситуация, при которой **формальное право собственности на хозяйственные активы является вторичным по сравнению с возможностью реально контролировать ресурсы**, необходимые для их производительного использования. Без последнего формальный титул собственника тех или иных активов, будь то предприятие или право на разработку тех или иных природных ресурсов, не означает ничего. Другими словами, формальный титул собственника – еще не повод для претензий на производительное использование объектов собственности – скорее наоборот, он является естественным дополнением реального контроля над активами, который, кстати, может быть установлен и без приобретения их в собственность.

Естественно, что в условиях подобной системы право собственности вообще, и право частной собственности в частности **не являются безусловными**. Ни законопослушность, ни сравнительно добросовестное ведение дела, ни даже соблюдение неписанных “понятий” **не могут гарантировать защиту прав собственника**, исключить возможность так называемого “пердела” собственности или ее изъятия более сильным в экономическом, политическом или административном плане субъектом. При наличии реального контроля над территорией, отраслью, инфраструктурой и т.п. **заинтересованные группы в существующих условиях легко завладевают теми или иными объектами**, используя ангажированные или подконтрольные арбитражные суды, ложные банкротства, саботаж со стороны административных органов или “трудовых коллективов” и т.п. Периодически получающие огласку в прессе громкие конфликты вокруг отдельных предприятий – не

более чем верхушка айсберга **перманентного процесса перехода собственности из рук в руки** по причинам, не связанным с хозяйственным управлением этой собственностью.

Названные мною базисные характеристики порождают целый ряд важных и интересных следствий.

Следствия

Системный дефицит доверия и его следствия

Прежде всего, поскольку гарантией исполнения хозяйственных обязательств является не государственная машина, а собственные силы и возможности экономических агентов, которые в силу естественных причин ограничены, возникает ситуация системного дефицита доверия. Собственники и предприниматели не верят государству, государственные органы – бизнесу. Банки не доверяют клиентам, клиенты – банкам, предприятия – своим кредиторам и партнерам. Население вообще никому не верит и, более того, укрепляется в убеждении, что это нормальное и естественное для общества состояние.

Дефицит доверия, в свою очередь, ведет к тому, что **горизонт хозяйственного планирования** для каждого из экономических субъектов неизбежно сужается, а их возможности – сокращаются. Долгосрочные инвестиции становятся возможными только для самых мощных и уверенных в своей неофициальной силе и влиятельности структур, но и даже для них оказываются сопряженными с очень высокими рисками, что почти исключает привлечение для инвестиционных нужд долгосрочных заемных средств из частных источников на приемлемых условиях. Для подавляющей же части бизнеса сроки конкретного хозяйственного планирования, а также окупаемости инвестиций сокращаются до полутора-двух лет, что практически исключает возможность их выхода на перспективные высокотехнологичные рынки.

Олигархическая структура экономики и сужение сферы действия законов конкуренции

Далее. Необходимость собственными силами обеспечивать исполнение обязательств и опора на неофициальное "право" с неизбежностью порождают **олигархическую структуру экономики**, когда не менее 70% производимого валового продукта так или иначе контролируется двумя-тремя десятками бизнес-структур, решения в которых принимаются несколькими сотнями лиц, составляющих деловую и административную элиту России. С этой точки зрения пресловутое «господство олигархии» в сегодняшней России – не досадное недоразумение, и не временное явление переходного периода, а закономерное следствие существующей хозяйственной и политической системы.

В свою очередь, олигархическая структура экономики вместе с особой ролью внеправовых отношений обуславливают резкое сокращение **сферы действия законов хозяйственной конкуренции. Общациональный рынок распадается на отдельные территориальные и отраслевые сегменты**, контроль над которыми осуществляют ограниченное количество административных и бизнес-структур. Так называемые **"барьеры для входа на рынок"** при попытке перейти в новый сегмент часто столь велики, что затраты на их преодоление перекрывают выигрыш от расширения масштабов реализации. Проще говоря, для того чтобы выйти в новую сферу или просто на новый уровень деятельности, каждый предприниматель сегодня вынужден чуть ли не заново отстраивать систему отношений с чиновниками и «авторитетами», искать соответствующие «подходы» и отбиваться (или откупаться) от недовольных. Конечно, в итоге все проблемы такого рода при наличии средств могут быть решены, но сопутствующие издержки могут быть столь велики, что фактически выполняют роль административного запрета.

Каждый из таких сегментов, хотя и имеет определенную территориальную привязку, не связан жестко с тем или иным

регионом, а определяется исключительно границами возможностей господствующих на них групп интересов и контролируемых ими ресурсов.

При этом контроль существующих в стране разных групп интересов над отдельными ресурсами не дает возможности ни одной из них не только установить единоличный контроль над экономикой в целом, но даже построить внутри экономики свой собственный замкнутый цикл хозяйственной деятельности. Для извлечения дохода из имеющихся у нее ресурсов каждой из групп неизбежно приходится вступать в отношения с другими группами, достигая формального или неформального понимания. При этом, несмотря на то, что отношения между этими структурами, а также между ними и подконтрольными им хозяйствующими субъектами строятся не столько на основе рыночных принципов, сколько на соотношении сил, они тем не менее не принимают форму иерархического соподчинения. Соответственно, соглашение с какой-либо одной, пусть даже наиболее мощной группой не дает хозяйствующему субъекту гарантии беспроблемного существования и не избавляет его от необходимости искать соглашения с другими, в том числе и менее мощными группами.

Исторически малый срок существования ныне действующих групп интересов, а также постоянные изменения в соотношении сил между ними, вызываемые как переменами во внешних условиях, так и процессами внутри этих групп, **препятствуют формированию стабильной системы хозяйственных отношений** в масштабе всей страны и обуславливают постоянные переделы собственности и сфер влияния.

Институционализация коррупции

Наконец, еще одним закономерным следствием системы является симбиоз непрозрачного олигархического бизнеса с коррумпированным высшим чиновничеством. В рамках этого союза на теневое довольствие бюрократии уходят огромные средства

(“теневой бюджет”), предоставляемые крупными олигархическими структурами в обмен на управленческие решения, приносящие им в сотни раз больший доход. Коррупция институционализируется, становится необходимым элементом хозяйственной деятельности и органической ее частью. Не рынок определяет в наших условиях движение громадных ресурсов между секторами, отраслями и регионами, и не гласный и открытый политический процесс, подобный тому, что можно увидеть в развитых демократиях, а кулуарные сделки и интриги в рамках узкого круга властной элиты.

Попытка определения: периферийный капитализм

Определить функционирующую таким образом систему каким-то одним термином непросто. Характеризовать эту систему как переходную от плановой «социалистической» к рыночной экономике, как я уже говорил выше, было слишком большим упрощением, поскольку несовместимые с современными представлениями об эффективной рыночной экономике вышеописанные отношения и институты представляют собой не столько рудимент прошлого, сколько полноценный элемент функционирующей хозяйственной системы.

По отношению к такой системе выражение «переходная экономика» применимо с большими оговорками, да и как термин оно кажется мне малосодержательным, поскольку не содержит никаких указаний ни на содержание, ни даже на направление предполагаемого перехода. Вариант «квазирыночная» (или «административно-рыночная») экономика тоже неточен, поскольку любая реально существующая экономическая система неизбежно является эклектичной, содержащей в себе противоречивые, в том числе административные элементы.

Часто используемые в наших публикациях выражения типа «криминально-бюрократический» или «номенклатурный» капитализм

тоже не совсем удачны, поскольку в большей степени имеют публицистический, нежели научный оттенок.

На самом деле, как мне кажется, точнее всего характеристики современного российского капитализма отражает термин «периферийный» (и это, кстати, объединяет его с весьма схожими обществами в Азии и Латинской Америке (в качестве примера можно привести Бразилию, Индию, Индонезию, Саудовская Аравию и др.)). С одной стороны, такое определение определенно отражает отсутствие в стране зрелого гражданского общества и присущих ему институтов, а именно: развитой правовой системы, независимого судопроизводства, реальной, а не декоративной партийно-парламентской политической системы, подотчетного парламенту и партиям правительству и т.д.). С другой стороны, оно подчеркивает отсутствие самодостаточности и внутренне встроенных механизмов роста в нашем национальном хозяйстве, высокую зависимость экономики и бизнеса в России от ядра современного капитализма – экономики развитой части мира.

Мировые политические события последнего времени, приведшие к серьезному кризису международного права, вызывают беспокойство. После 1945 года успешная западная экономика была основана на общем политическом и цивилизационном стандарте.

Если общий политический контекст, существовавший в мире до последнего времени, развалится, то резко ослабнут связи и взаимные ограничения и все окажутся на периферии. Это будет означать исчезновение наиболее важного положительного аспекта естественного процесса глобализации.

Для России, в большей степени, чем для многих других, межеумочная и опасная идея многополярного мира в этом случае ускоренно реализуется в наименее приемлемой форме – феодально-корпоративной экономической системе.

Кстати, если мы примем во внимание такие бесспорные черты политической системы современной России, как авторитарное, но в целом слабое государство; особая роль его главы как фигуры,

стоящей над правительством и соревнующимися за влияние на него кланами; полуфеодальные отношения внутри государственного аппарата (раздача должностей, система «кормлений» и т.д.), то в известном смысле мы можем говорить и о реставрации системы, господствовавшей в России до 1917 г. – «периферийного» капитализма с гипертрофированной ролью бюрократии в условиях авторитарной монархии и откровенной слабости институтов гражданского общества.

В экономическом отношении мы имеем дело со смешанной системой. В принципе, можно сказать, что в стране функционирует смешанная экономика, но не в том смысле, в котором это слово употребляется в современной экономической теории, а в ином, специфическом значении. Это экономика, в которой смешанной является не форма собственности, а сама логика экономического, да и, шире, социального поведения. Наша реальность – это и капитализм, и не совсем капитализм, а в чем-то даже и совсем не капитализм. В ней есть сектора, живущие по законам конкурентного рынка, но, не они определяют ее лицо. Есть в ней также и полностью монополизированные сегменты; и зоны, контролируемые криминалитетом, и сферы, находящиеся под прочным административным контролем. Вместе с тем наиболее типичным является некий комбинированный вариант, когда наличие отношений конкуренции сочетается с довольно плотной зависимостью от административной власти. Без определенного патронажа со стороны этой власти присутствие и тем более расширение своей активности на рынке по сути становится невозможным. В то же время административный фактор в бизнесе не всесилен, а монополия почти никогда не является всеобъемлющей. Соответственно, активно пользуясь «административным ресурсом», бизнес вынужден в то же время заботиться о своей конкурентоспособности, думать об издержках, стратегии реализации и тому подобных вещах. Одновременно на микроуровне хозяйственная деятельность в сегодняшней России –

это не последовательный переход от административной экономики тоталитарного государства к современному ("нормальному") западному обществу, а, скорее, причудливая смесь институтов и отношений самых различных типов и уровней: современных и традиционных, рыночных и дорыночных; правовых и неправовых, цивилизованных гражданских и основанных на прямом насилии, и т.д.

3. Возможности и пределы системы.

В связи с характеристикой, которую мы дали современной российской политико-экономической системе возникает два важных вопроса. Во-первых, насколько устойчивой и, по большому счету, жизнеспособной является сложившаяся система отношений, а во-вторых, каковы ее потенциальные возможности и пределы?

Нынешний российский капитализм как устойчивая самовоспроизводящая система

Относительно первого вопроса существует мнение, разделяемое, правда, главным образом левыми политиками и экономистами, что сложившаяся система крайне неустойчива, держится исключительно на обмане и силе инерции, а также неких духовных ресурсах советского периода, и вообще, как говорил в свое время Владимир Ульянов о самодержавии, "стена, да гнилая. Ткни - и развалится". На наш взгляд, это далеко не так.

Во-первых, при кажущейся эклектичности в ней есть, как я выше пытался показать, железная внутренняя логика. Почти каждый ее элемент дополняется и поддерживается другими, и все вместе они обеспечивают то, что система работает, и ее функционированию по большому счету ничто и никто не мешает.

Во-вторых, система обладает внутренней устойчивостью, она способна не только к самовоспроизводству, но и к определенному прогрессу. Она не только допускает рост экономики - относительные успехи в экономической области в последние три-четыре года могут служить тому свидетельством - но и способна к определенному саморазвитию, ликвидации "узких мест" и наведению порядка в некоторых критически важных сферах и областях.

В-третьих, через формирование значительного слоя влиятельных людей и групп, тем или иным образом извлекающих из

нее немалую личную выгоду, система получила собственную, и притом весьма надежную социальную опору.

Речь здесь идет не только о высшем слое государственных чиновников или пресловутых "олигархах" – старых и новых. В группы, так или иначе извлекающие из существующего порядка вещей незаслуженно высокие доходы и, следовательно, заинтересованная в его сохранении, попадает практически вся нынешняя российская элита. Это чиновники, способные получать мзду за выгодные другим группам экономические и политические решения. Это практически весь крупный бизнес, способный эту мзду платить и получать в результате монопольный доход, в десятки раз превышающий ее размер. Это профессиональные политики, выступающие в роли посредников между теми и другими. Это верхушка правоохранительных органов, контролирующая силовой аппарат, способный, с одной стороны, прикрыть бизнес от «внесистемного» криминала, а с другой – самому выступать в роли вымогателя – своего рода «внутрисистемного» криминала. Наконец, это и руководители средств массовой информации, которые, с одной стороны, обеспечивают системе в целом идеологическое прикрытие, а с другой – играют на противоречиях внутри самой элиты, извлекая из этого немалую корпоративную и личную выгоду.

Понятно, что при такой универсальной завязанности интересов на сложившейся порочной по своей сути системе российская элита просто не может разрушить ее без прямого или косвенного ущерба для себя, даже осознавая ее ущербность и, в конечном счете, историческую тупиковость.

Однако все вышесказанное необходимо соотнести с ответом на второй вопрос, который я упомянул в начале этой части своего выступления – вопрос о возможностях этой системы обеспечивать долгосрочный экономический рост, и о пределах этих возможностей. И здесь позвольте мне еще раз обратиться к оценке опыта экономического роста последних трех-четырёх лет.

Возможности системы обеспечивать экономический рост - опыт последних лет

Количественный рост

Большей частью о нем принято отзываться в позитивном ключе, и я не могу сказать, что для этого нет никаких оснований. Отрицать заметные улучшения, произошедшие после известных событий 1998 г., было бы неправильно. Действительно, впервые после продолжавшихся почти целое десятилетие экономического спада и депрессии экономика демонстрирует достаточно устойчивый рост. **Прирост ВВП** за последние три года составил 19%, а к кризисному 1998 г. - почти 25%. Произошло заметное повышение **уровня реальных доходов** населения и потребительского спроса. Усилился **оптимизм инвесторов** как в экспортном секторе экономики, так и в некоторых обрабатывающих отраслях. **Экспорт** вот уже третий год превышает сто миллиардов долларов, обеспечивая крупное **активное сальдо** торгового и платежного балансов и нормализацию расчетов по внешнему долгу, а также **относительную стабильность курса** национальной валюты.

Существенное улучшение экономических показателей последних лет экономисты и политики обычно объясняют девальвацией рубля и высокими ценами на нефть. Это в принципе верно: толчок действительно дали обстоятельства, которые можно назвать исключительными - быстрое обесценение рубля в конце 1998г.- начале 1999 г. (в три-четыре раза в течение считанных месяцев) и почти трехкратный рост мировых цен на нефть в течение 1999-2000гг. Вместе с тем нельзя отрицать, что и **в самой российской экономической системе в последние годы произошли некоторые положительные изменения.**

Некоторые качественные улучшения в самой системе

Так, ощущение определенного благополучия и относительной стабильности привело к **восстановлению механизма долгосрочного инвестирования в ряде отраслей**. Заметный рост доходов в экспортно-сырьевом секторе, связанный с резким увеличением мировых цен на его продукцию, позволил направить на эти цели крупные финансовые ресурсы, что дало возможность многим предприятиям, производящим продукцию инвестиционного спроса, выйти на порог рентабельности, а в ряде случаев – и самим получить значительные ресурсы для целей производственного инвестирования. В результате возник пусть и ограниченный по своим масштабам, но реально работающий фактор долгосрочного роста и расширения производства.

Одновременно рост совокупных личных доходов позволяет промышленному капиталу начать **переориентацию производственной и инвестиционной активности на сектора, производящую более сложную продукцию**, которая, будучи сегодня неконкурентоспособной на западных рынках, требует для своего развития и совершенствования крупных объемов внутреннего потребления.

Во многих отраслях уже произошла либо близится к завершению **экономически обоснованная концентрация производства**, позволившая сформировать структуры, жизнеспособные с точки зрения размера и возможностей управления – структуры, способные не просто выживать в конкурентной борьбе с зарубежными производителями, но и обеспечивать себе ресурсы для расширения и развития. Рост объемов производства и возможностей крупных предприятий, в свою очередь, создает предпосылки для **реорганизации мелких и средних предприятий промышленности**, которые частично переходят под прямой или косвенный контроль перспективных крупных компаний, частично – находят собственные устойчивые ниши на рынке.

Происходят также некоторые **изменения в стандартах управления и деловой практике** части экономических субъектов,

их эволюция в сторону большего соответствия потребностям современной рыночной экономики. Волна реорганизаций, слияний и поглощений, прокатившаяся по российской экономике в эти годы, в известной мере подготовила почву для возможного становления так называемой «новой экономики» (то есть предприятий и компаний, возникших уже в постсоветский период и в силу этого не отягощенных «дореформенными» отношениями) в базисных для России промышленных отраслях.

Потребность в приобретении деловых партнеров на Западе заставляет наиболее «продвинутой» часть российского бизнеса в какой-то степени увеличивать собственную открытость и прозрачность, по меньшей мере в отношении части своего бизнеса. Фирмы, претендующие сегодня на роль «лица российского капитализма», начинают уделять все большее внимание своему публичному имиджу, стремятся уйти от наиболее одиозных форм отношений, свойственных «дикому» капитализму. Стремясь сформировать у зарубежных партнеров и у собственного населения положительный образ «нового российского капитала», нацеленного на построение в России демократической рыночной экономики, эти компании вольно или невольно вводят себя и свою практику в определенные рамки, постепенно приучаясь работать в соответствии с принятыми в развитых странах нормами и формами. Более того, некоторые из крупнейших российских компаний начинают превращаться в международные как по характеру операций, так и по составу участников, что предполагает уже не только косметические, но и, в значительной части, реальные изменения в стиле и формах корпоративного управления.

В последние три года можно было также наблюдать скромный, но очевидный прогресс в **формировании ряда необходимых элементов деловой инфраструктуры**, в том числе кредитно-финансовой системы. Снизились некоторые виды коммерческих рисков, сделаны некоторые шаги в направлении создания цивилизованного страхового бизнеса. Резко понизилась роль,

которую в экономике играли различные формы неденежных расчетов, в первую очередь бартер; для многих предприятий возросла значимость легальных финансовых потоков.

Однако, на мой взгляд, всего этого явно недостаточно, чтобы всерьез говорить о том, что страна российская экономика обеспечила себе условия для долгосрочного устойчивого роста. Более того, именно эти несомненные успехи и позитивные изменения одновременно продемонстрировали и продолжают демонстрировать нам принципиальную ограниченность потенциала существующей экономической системы.

Пределы возможностей системы

Прежде всего, это относится к количественным параметрам роста. **Темпы увеличения производства и доходов** с учетом низкого исходного уровня и исключительно благоприятной внешней конъюнктуры можно охарактеризовать **в лучшем случае как умеренные**, но никак не высокие. Но даже такой умеренный рост в силу самой природы обеспечивающих его условий является **хрупким и неустойчивым**. И дело здесь не только в чрезвычайно высокой зависимости экономики России от экспорта нефти и газа, а следовательно, и от цен на них на мировых рынках. Эта зависимость, о которой я подробнее скажу чуть ниже, безусловно, имеется и представляет собой очень серьезную проблему, но не меньшее значение имеют и некоторые другие факторы.

Во-первых, нынешний рост в значительной степени опирается на инфраструктурный и технологический задел, созданный еще в советский период (я имею в виду вложения, сделанные в свое время в общенациональную транспортную сеть, электроэнергетику, разведку природных ресурсов, в систему НИОКР и др.). В 1990-е годы вложения в эти области резко сократились, но эффект их недофинансирования начинает ощущаться только сейчас и в полной мере проявится в ближайшие 5-10 лет.

Во-вторых, неспособность правительства определиться с необходимыми структурными реформами рано или поздно начнет оказывать серьезное негативное воздействие и на текущие производственные планы крупных предприятий. Неопределенность в этом вопросе допустима в течение лишь ограниченного периода времени, после чего неясность среднесрочных перспектив становится крупным препятствием для инвестиционных планов.

Наконец, и сам нынешний хозяйственный механизм, как будет показано ниже, содержит в себе серьезнейшие ограничения для роста эффективного производства. На этом я остановлюсь чуть более подробно.

Ограничители роста в нынешней хозяйственной системе

Одно из самых слабых звеньев в нынешней модели экономического роста – это **отсутствие эффективного механизма накопления**. Норма накопления в российской экономике по сравнению с 80-ми годами сократилась в разы. Даже на фоне инвестиционного подъема в 2000–2001 гг. ее величина составляла порядка 20%, что никак не соответствует потребностям обновления и модернизации материальной базы производства в реальном секторе экономики. Учитывая падение реального объема ВВП, сокращение абсолютной величины капитальных вложений можно оценить как четырехкратное. Тот факт, что к концу десятилетия более 2/3 инвестиций в промышленности финансировалось за счет собственных средств предприятий; что предприятия почти не привлекают средства со стороны, говорит не столько о финансовой мощи российских промышленных предприятий, сколько о скромности их инвестиционных программ и отсутствии адекватных потребностям реального сектора финансовых рынков.

Никак не компенсирует снижение объемов и изменение структуры инвестиций в основной капитал: более половины капитальных вложений в относительно благополучный период 2000–2001 гг. были произведены сырьедобывающими, главным образом

экспортно-ориентированными компаниями, и узко нацелены на удовлетворение их собственных нужд. Институт финансового посредничества, который бы позволял перемещать капитал из отраслей с избыточными (над их собственными потребностями в производительном инвестировании) текущими доходами в объективно перспективные отрасли, так и не сложился, а те формы, которые этот процесс принимает при отсутствии подобного института – покупка сырьевыми компаниями предприятий в непрофильных для них секторах, то есть создание своего рода российских «чеболей» – вызывает большие сомнения в их эффективности и устойчивости.

Становится все более очевидным, что наблюдающийся в последние годы рост никак не корректирует очевидный (и в определенном смысле угрожающий) **структурный перекос экономики в пользу сырьевых отраслей**. Хотя непосредственно доля сырьевых отраслей в формировании российского ВВП сравнительно невелика, именно на этот сектор, благополучие которого по объективным причинам сильно зависит от перепадов мировой конъюнктуры, приходится основная часть финансовых ресурсов, которыми располагают российские компании, денежных потоков и производственных инвестиций.

Доля этого комплекса в совокупных производственных инвестициях все эти годы была и остается заметно выше, чем в структуре производимой продукции. Так, в промышленности на электроэнергетику и экспортноориентированные топливно-сырьевые отрасли приходится почти 80% всех капиталовложений, а доля инвестиций в перерабатывающих отраслях – машиностроении, легкой и пищевой промышленности – не превышает 15%. Это означает, что именно сырьевые отрасли на протяжении последних трех лет играли роль своеобразного локомотива промышленного роста, создавая львиную часть инвестиционного спроса на продукцию российского машиностроения и металлообработки.

Одновременно именно этим сектором российская экономика в максимальной степени включена сегодня в мировое хозяйство. В экспорте доля продукции топливно-сырьевых отраслей (в широком смысле, включая промышленную продукцию неглубокой переработки) составляет 70% и имеет тенденцию к повышению. При этом более половины всего объема экспорта приходится на сырую нефть и природный газ. Благодаря этим отраслям в последние годы поддерживается и активное внешнеторговое сальдо, без которого было бы невозможно обслуживание крупного внешнего долга, накопленного за последние десятилетия.

В результате относительно небольшое число крупнейших компаний преимущественно сырьевого профиля начинают прямо или косвенно управлять все более значительной частью совокупных финансовых потоков в российской экономике. В сферу, так или иначе подконтрольную этим компаниям, попадают уже не только потоки, непосредственно связанные с добычей и экспортом природных ресурсов, но и задействованные в смежных или обслуживающих их секторах, а то и просто в производствах с повышенной рентабельностью, технологически никак не связанных с основным профилем деятельности этих компаний. Вокруг сырьевых компаний и на их базе окончательно консолидируется современная российская олигархия.

Одновременно сырьевой сектор превратился в крупнейший по своей значимости генератор денежных доходов населения. Помимо значительного числа работников, непосредственно занятых добычей, транспортировкой и переработкой сырья, этот сектор "кормит" довольно обширную инфраструктуру - широкий круг трудоемких производств, основным или критически важным потребителем для которых являются сам экспортно-сырьевой сектор либо занятые в нем. Увеличение либо уменьшение доходов в топливно-сырьевом секторе в сегодняшних условиях мультипликативно порождает рост или падение продаж в большом секторе производств, способных в своей сумме оказать

определяющее влияние на состояние внутривозвратной конъюнктуры.

Наконец, этот сектор критически важен и для состояния государственных финансов. Именно здесь собирается более половины всех косвенных налогов (включая платежи за пользование природными ресурсами), которые в свою очередь обеспечивают более половины совокупных бюджетных доходов, будучи особенно важным источником доходов федерального бюджета. Кроме того, как уже было сказано выше, именно данный сектор экономики позволяет поддерживать уровень валютных поступлений, необходимый для обслуживания внешних долгов.

Структурный перекос является очень важной, но не единственной серьезной деформацией, присущей нынешнему российскому бизнесу. Как я уже говорил в предыдущей части, в силу системных ограничений российский рынок является сильно **сегментированным**, а возможности каждого экономического субъекта выходить на новые сегменты уже поделенного и жестко охраняемого рынка – крайне ограниченными. В ходе эволюции последних лет степень сегментированности российского рынка практически не уменьшилась. В результате в стране **так и не складываются условия для организации действительно масштабного современного производства, невозможного без крупных рынков сбыта и сравнительно свободного к ним доступа**. Именно по этой причине **импульс, исходивший от экспортно-сырьевых отраслей, так и не породил, вопреки надеждам оптимистов, взаимоподдерживающего ускоренного роста основных промышленных отраслей**. Соответственно, увеличение доходов от экспорта в недостаточной степени отражается на доходах занятых в других отраслях экономики, а рост внутреннего спроса не превращается в действительно мощную движущую силу самораскручивающегося роста.

Пределы возможностей системы и социальные проблемы

Занятость и качество рабочей силы

Экономический рост того типа, который мы наблюдали в последние три-четыре года в силу ограниченности своего механизма не решил, да и не мог решить **проблему занятости**. Относительно низкие официальные показатели уровня безработицы в стране не должны нас обманывать – на самом деле огромная масса трудоспособного населения в стране не только не имеет нормальной, достойно оплачиваемой работы, но и шансов получить ее до конца своей трудовой жизни. **Сырьевая экономика востребует лишь малую толику тех человеческих ресурсов**, которыми сегодня располагает Россия, а потребности такой экономики в квалифицированном труде вообще ничтожны в сравнении с общей численностью населения. В результате система фактически обрекает не менее половины сегодняшних россиян на полужумпенское существование в условиях застойной безработицы и средневекового самокормления с "шести соток". Остальным же она предлагает занятость главным образом в сфере обслуживания, причем преимущественно в виде рабочих мест, не требующих особой подготовки и квалификации, а значит – малооплачиваемых и не сопровождаемых сколько-нибудь ощутимыми социальными гарантиями.

Консервация низкого уровня жизни основной массы населения и характерная для "периферийного капитализма" социальная структура

Именно по этой причине после почти четырех лет экономического роста показатели, характеризующие общественное благосостояние, остались в целом на очень низком уровне. Российский ВВП на душу населения соответствует среднему уровню для развивающихся стран и, грубо говоря, на порядок ниже среднего уровня для группы развитых стран. По официальной статистике, соотношение средних размеров зарплат и пенсий с прожиточным минимумом в последние годы практически не меняется, при этом средняя пенсия по-прежнему приблизительно на четверть ниже соответствующего прожиточного минимума.

При этом доходы распределяются крайне неравномерно. Разрыв между верхней и нижней децилями населения по уровню дохода является четырнадцатикратным и последние десять лет практически не снижается. Доля населения, которое живет в условиях абсолютной бедности, то есть испытывает затруднения с удовлетворением базовых жизненных потребностей, составляет не менее 35%.

Соответствующим образом сформировалась и социально-экономическая структура российского общества. Пять процентов населения, сумевшие "сесть" на сырьевые и финансовые потоки, образуют привилегированный экономически господствующий класс. Еще 20-25% населения – это наш "средний класс", который обязан своим относительным процветанием нынешней системе и, соответственно, является ее главной социальной опорой и защитником. Причем средний класс в этой системе представляют не инженеры, офицеры, врачи, учителя, научные работники, средние предприниматели, высококвалифицированные рабочие и фермеры, а работники сферы обслуживания, развлекательных услуг, чиновники и разного рода рантье. Остальные же 70-75% населения – это "старые" и "новые" бедные, подавляющая часть живет на уровне простого воспроизводства рабочей силы, или даже ниже. О чем, кстати, красноречиво свидетельствует ситуация как с рождаемостью (ее падение), так и смертностью, которая в большинстве российских регионов продолжает увеличиваться.

Урезание социально значимых расходов (мини-бюджет для мини-государства)

Совершенно безосновательны, на мой взгляд, восторги по поводу улучшения состояния государственных финансов. При всех разговорах о бездефицитном бюджете, о решении проблемы госдолга, о финансовом оздоровлении государства нельзя не видеть, что это "оздоровление" было достигнуто за счет отказа

от жизненно важных для цивилизованного государства расходов на социальное обеспечение и здравоохранение, образование, финансирование НИОКР, поддержание базовой инфраструктуры, охрану окружающей среды и др.

В качестве лишь одного примера можно привести образование и науку. По нашим оценкам, сделанным на основе официальной российской статистики, за последние 8-9 лет общественные расходы на образование в реальном исчислении сократились в среднем на 55%, а рост частных расходов на эти цели лишь в незначительной степени компенсировал сокращение соответствующих расходов федерального и местного бюджетов. В еще большей степени сократились государственные расходы на науку и научное обслуживание, резко упал престиж профессиональной научной и научно-производственной деятельности. Как следствие, заметно снизились качество образования и степень общеобразовательной подготовки выпускников средней и высшей школ. Необходимость неофициальных доплат на школьное образование затруднило доступ к нему неимущих слоев населения, в результате чего число детей, оставивших школу, приблизилось к 10% от общего числа детей школьного возраста.

Результатом является нанесение огромного ущерба человеческим (трудовым и интеллектуальным) ресурсам страны. Трудоспособное население заметно сократилось количественно, а его структура, что еще более важно, ухудшилась в качественном отношении. Прекращение производственной деятельности в немногих высокотехнологичных отраслях бывшей советской экономики и деградация системы государственных научных учреждений (при почти полном отсутствии частных исследовательских центров) заставили огромное число высококвалифицированных специалистов сменить профиль деятельности. Причем по данным некоторых опросов, не более 10% тех, кто потерял или вынужден был оставить работу в научных

учреждениях России, нашел себе место в в крупных частных компаниях или кредитных учреждениях. Остальные девять десятых заняты в мелком и мельчайшем бизнесе, либо в официальных структурах, где их интеллектуальные способности оказываются невостребованными, а приобретенные ранее опыт и знания постепенно утрачиваются.

Не менее миллиона человек эмигрировало из России (по данным отечественных компаний, профессионально занимающихся миграцией, поток выезжающих из России составлял в среднем 100 тыс. чел. в год), причем весьма значительную часть этой эмиграции составили образованные люди, которые до этого либо были заняты интеллектуальной деятельностью, либо получали высшее образование.

А ведь образование и наука – далеко не единственная сфера, принесенная в жертву финансовому оздоровлению. Заметно ухудшилось состояние массового здравоохранения, состояние сферы государственного социального обеспечения (приюты, интернаты, дома престарелых и т.п.), пенитенциарной системы, военных объектов, особенно военной «социалки». Возможно, это ухудшение пока заметно не всем, но долгосрочные последствия регресса в этих, казалось бы, частных вопросах, могут быть чрезвычайно разрушительными для общества и так или иначе коснутся каждого его члена.

Хроническое недофинансирование содержания и развития объектов общественной инфраструктуры в этот период уже привело к резкому старению и ухудшению качества основных фондов в электроэнергетике, в том числе атомной, в жилищно-коммунальном хозяйстве, на транспорте. В свою очередь, это заметно ухудшило функционирование основных систем жизнеобеспечения, резко снизило уровень их надежности и безопасности, повысило риск возникновения техногенных и экологических катастроф.

Да и такие прямые и очевидные по своему действию расходы, как оплата труда государственных служащих, в том числе

правоохранительных органов и военнослужащих, иначе как унижительными по размерам не назовешь. Лучшее тому доказательство – дефицит опытных и квалифицированных служащих среднего звена, качество работы которого является определяющим для функционирования государственного аппарата в целом.

В целом же государственный бюджет в его нынешнем виде в пору назвать чрезвычайным – настолько минимальны предусматриваемые им общественные потребности и так велика перегрузка, возлагаемая им на объективно недостаточную общественную инфраструктуру. В определенной степени этот факт даже признается официально и оправдывается якобы исключительной нагрузкой, связанной с «пиковым» периодом платежей по внешнему долгу.

Однако если чрезвычайное положение длится годами (а наш переходный период входит уже в свое второе десятилетие), то оно перестает восприниматься как временное явление. И ведь действительно – и население, и большинство политиков привыкли к тому, что на зарплату госслужащего практически невозможно нормально жить; что бедным (которых у нас три четверти населения, и к этому мы тоже привыкли) недоступно ни реальное медицинское обслуживание, ни высшее образование; что у государства априори нет средств на поддержку какой бы то ни было экономической активности, даже в тех формах, которые считаются приемлемыми в любой развитой экономике. К этому привыкли настолько, что иной подход считается либо (в лучшем случае) прекраснородушием и идеализмом, либо ересью. Более того, утверждается опасный, на мой взгляд, тезис о том, что и нынешний уровень общественных расходов является чрезмерным, и его надлежит существенно уменьшить.

На самом деле сегодня же бюджет не только мал по размерам и не адекватен масштабу стоящих перед страной нерешенных задач, он еще и построен на весьма зыбкой по меркам развитых стран основе. Даже будучи лишен той встроеной бомбы в виде

неумеренных заимствований под ростовщический процент, которая сдетонировала в августе 1998г., он тем не менее остается, как мы уже видели, опасно зависимым от финансового положения и переговорных позиций одного-двух десятков крупных сырьевых и инфраструктурных компаний, использующих национальные природные ресурсы и при этом практически вышедших из-под общественного контроля. Дай бог нам, конечно, обойтись без потрясений в этой области, но угроза нового бюджетного кризиса является сегодня вполне реальной. Кризис, возможно, еще не стучится к нам в двери, но и не так далеко, как порою кажется.

Так вот, с учетом всего сказанного встает еще один не менее важный вопрос: а что мы можем ожидать от будущего? Каковы перспективы экономики, развивающейся на базе той системы, которая сложилась у нас за последнее десятилетие (с учетом всех ее возможностей, пределов и ограничений) в контексте мировой экономики и изменения глобальных условий?

4. Условия и перспективы

Перспективы российской экономики и, если говорить шире, российского общества по большому счету будут определяться двумя моментами: возможностями господствующей в стране экономической системы, о которых я сказал выше, и теми условиями, в которые она будет поставлена в ближайшие десять-двадцать лет. Учитывая, что особенностью "периферийного капитализма" является его высокая зависимость от внешних факторов (Запад для России критически важен, во-первых, как рынок; во-вторых, как источник финансирования; и в-третьих, как хранитель капиталов российского привилегированного класса) динамическое изменение условий в государствах Запада имеет для него первостепенное значение.

Говоря об этих условиях, в первую очередь, на мой взгляд, нужно иметь в виду две важнейшие вещи: это, во-первых, общее замедление темпов роста мировой экономики и, во-вторых, активное вступление экономик развитой части мира в постиндустриальную стадию.

Что касается первой тенденции - некоторого общего замедления роста, то оно связано с несколькими факторами - это и ресурсно-экологические ограничения, и действие технологических факторов, и ужесточение социальных требований к содержанию и качеству экономического роста, и некоторые другие факторы, в том числе субъективно-психологического свойства. В особенности этот процесс затрагивает развитые западные экономики - большинство экспертов сходится во мнении, что для США, Европы и Японии средние темпы роста в ближайшие пять-семь лет будут составлять в лучшем случае 2-3 процента. Рост ВВП, скажем, на 5% в год будет пока оставаться для этой группы стран недостижимой мечтой.

Помимо прочего это означает, что в рамках мировой экономики наиболее емкие рынки, каковыми являются рынки развитых стран, почти не будут расти, а конкуренция за место

на них, в первую очередь для экспортно-ориентированных динамичных развивающихся стран, являющихся конкурентами России на мировых рынках, заметно ужесточится.

С другой стороны, на структурные показатели этих рынков возрастающее влияние будет оказывать все более заметный переход развитых стран к пост-индустриальной, то есть ресурсосберегающей и интеллектуалоемкой модели развития. В этих условиях спрос на сырье будет в долгосрочном плане падать и в относительном и даже, возможно, в абсолютном выражении, и условия торговли для поставщиков этих ресурсов будут неизбежно ухудшаться.

С учетом этих тенденций перспективы российской экономики при условии отсутствия в ее основах революционных качественных изменений выглядят довольно пугающе. В первую очередь опасения вызывает ясно обозначившийся и пока что только усиливающийся **структурный перекос экономики в пользу сырьевых отраслей**, о котором я подробно говорил в предыдущей части.

Долгосрочные негативные последствия структурного перекоса

Дело в том, что столь значительная роль сырьевого сектора порождает для экономики страны целый ряд серьезнейших негативных последствий. Во-первых, сохранение преобладающей доли топливно-сырьевого комплекса в совокупных производственных инвестициях означает, что в обозримом будущем именно он **будет поглощать огромную часть ресурсов, направляемых на расширение и перевооружение производственной сферы**. Кроме того, эффективность инвестиций в добывающие отрасли в силу объективных причин (удорожание разведки и добычи) будет неизбежно падать, а в условиях значительного удельного веса этих отраслей в общем объеме производства это будет вести к **снижению эффективности** производственных инвестиций и российской экономики в целом.

Во-вторых, высокая доля продукции топливно-сырьевого комплекса в экспорте не только ставит жесткие пределы его возможному росту, но и обрекает его на **нестабильность, связанную с неизбежными резкими колебаниями мировых цен** на эту продукцию. Я уже не говорю о том, что при такой структуре обмена с внешним миром **людской и интеллектуальный потенциал страны остается маловостребованным, а национальные ресурсы - недоиспользуемыми.**

Наконец, в-третьих, еще большую угрозу экономическому росту и эффективности представляет доминирование в экономике крупных корпораций сырьевого профиля. Непосредственным следствием этого становится **недопустимо высокая зависимость общей деловой конъюнктуры в стране от решений и настроений узкой группы высших управленцев этих компаний.** Стоит "Газпрому", нефтяным компаниям и РАО ЕЭС просто задержать реализацию своих инвестиционных проектов из-за недостаточной уверенности в перспективах мировых энергетических рынков или даже в силу внутренних кадровых проблем (например, личные конфликты, некомпетентность), как по экономике прокатывается волна спада производственной активности, прежде всего в машиностроении и нефтехимической промышленности, в металлургии и производстве строительных материалов. Следом ощутимо снижается и потребительский спрос, и механизм экономического роста надолго "сбивается". С другой стороны, избыточный капитал, формирующийся в энергетическом, в первую очередь в нефтяном секторе, в подобных условиях не находит дороги в другие сектора и чаще всего легально или нелегально покидает пределы России, так как сырьевые компании предпочитают вести знакомый им бизнес за рубежом, нежели пытаться выходить в новые, незнакомые им сферы деятельности внутри страны.

Сказанное можно отнести и к **государственным финансам** - бюджетные доходы испытывают на себе сильное дестабилизирующее воздействие изменений в ценовой конъюнктуре, прежде всего

колебаний цен на сырую нефть и ее производные, как непосредственно (через падение поступлений от соответствующих экспортных пошлин и налога на прибыль производителей), так и, в еще большей степени, опосредованно - через общее ухудшение конъюнктуры и замедление роста инвестиций и потребления.

Недостаточно высокие темпы количественного роста с точки зрения масштаба задач

Но, к сожалению, проблема заключается не только в структурном перекосе. Хорошо знакомая нам общественная система корпоративно-криминального типа **по своей природе является застойной**, прежде всего в силу ущербности ее сегментированного рынка, неизбежно высоких издержек для производителя и отсутствия механизма долгосрочного воспроизводства и увеличения экономических ресурсов. Да, средние темпы экономического роста за последние четыре года были относительно высокими, но во-первых, уже в прошлом году они сократились до скромных четырех с небольшим процентов, а во-вторых, наблюдались в условиях совершенно особых благоприятных условий - сочетания высоких цен на основные предметы российского топливно-сырьевого экспорта с эффектом резкого реального обесценения национальной валюты в ходе предшествовавшего началу роста финансового кризиса. С исчезновением этих особых условий **темпы роста ВВП сокращаются до 3-4 процентов в год, что недостаточно для глубоких качественных сдвигов в экономике и обществе в обозримой исторической перспективе.**

В частности, такие темпы роста **не позволят решить проблему занятости населения**, о которой было сказано выше; не позволят существенно **повысить общий уровень благосостояния** и доходов, **ликвидировать очаги застойной нищеты и бедности**,

Такие темпы, далее, кажутся совершенно **неприемлемыми для решения проблемы формирования в стране полноценного государственного бюджета** – задачи, которая в ближайшие годы будет стоять чрезвычайно остро. Я уже говорил выше, что размеры государственного бюджета сегодня абсолютно не адекватны масштабу стоящих перед страной нерешенных задач. Так вот, у нас есть все основания опасаться, что при существующей системе страна и в перспективе обречена на такой же сбалансированный “мини-бюджет”, доходов которого будет хронически не хватать даже на достойную оплату труда госслужащих.

Конечно, проблему коррумпированности и некомпетентности госаппарата одним повышением окладов его чиновников не решить. Но без такого повышения невозможно ни ликвидировать систему «кормления» с должности, ни привлечь в государственный аппарат людей, в принципе способных достичь приемлемого уровня профессиональной компетентности. Должно быть очевидно, что с таким бюджетом, как сейчас, у страны никогда не будет ни современных вооруженных сил, ни независимой судебной системы, ни честных и профессиональных правоохранительных органов, а самовоспроизводство порочной системы “неформальной” юстиции невозможно будет прервать даже с помощью самой искренней политической воли.

Не спасет и предлагаемое в качестве чуть ли не панацеи сокращение государственного аппарата, даже самое радикальное. Во-первых, например, та же судебная система страдает от объективной нехватки судей для оперативного рассмотрения растущего количества дел; о сокращении штатов в государственной социальной и пенитенциарной системах может всерьез говорить только безумец, и вообще: список сфер, где положение в обозримом будущем неизбежно будет оставаться критическим, можно продолжать очень долго. А во-вторых, массовое сокращение общественного сектора при невозможности

частного сколько-нибудь заметно увеличить занятость – это прямой путь к социальной и политической нестабильности. Так что «экономить» на зарплате бюджетников – не просто проблематично, но и опасно.

Не может быть бесплатным для бюджета и поддержание хотя бы умеренного экономического роста: ремонт и строительство дорог, поддержание работоспособности общенациональных сетей коммуникаций, охрана окружающей среды – все это требует неизбежных крупных затрат из федерального бюджета. Преодоление сырьевой направленности экономики, если такая задача будет поставлена, также не может быть реализована без определенных бюджетных затрат: страхование и кредитование сделок по экспорту высокотехнологичной продукции во всем мире осуществляется при участии государственных агентств, и Россия при всем желании не сможет стать счастливым исключением из этого правила. А ведь еще остаются хотя бы самые элементарные инвестиции в будущее развитие, каковыми являются затраты на инфраструктуру, общее и профессиональное образование, финансирование некоторых видов НИОКР и т.д.

С этой точки зрения нынешняя "победа" правительства над бюджетным дефицитом путем механического урезания федеральных расходов и перекладывания значительной части требующих финансирования государственных функций на региональные и местные бюджеты – достижение сомнительного характера. **Действительное реформирование экономики и общества**, если на то появится политическая воля, все равно потребует использования значительных общественных ресурсов, и **размеры бюджетной системы, равно как и ее характер, неизбежно должны быть иными.**

Поэтому предусматриваемая даже оптимистическими сценариями МЭРТ среднесрочная экономическая динамика (прирост ВВП до 6% в год) фактически означает, что по крайней мере в обозримом будущем разрыв, отделяющий Россию от развитых стран, существенно не сократится. Следовательно, кардинального

улучшения положения в таких жизненно важных областях, как обеспечение полноценной занятости трудоспособного населения, которая бы соответствовала уровню накопленного человеческого капитала, достойного уровня жизни для большинства граждан, стабилизация демографической ситуации, обеспечение безопасности границ и т.п. при сохранении нынешней ситуации ожидать не приходится. В результате даже при отсутствии абсолютных спадов или резкого замедления роста Россия будет оставаться огромной слабозаселенной и малоосвоенной территорией, экономическая отсталость которой будет все более очевидной на фоне подтягивающейся к стандартам ЕЭС Центральной и Восточной Европы и динамичными «новыми индустриальными экономиками» Азии.

В конце концов, важны не проценты роста как таковые. В конечном счете, нас всех должно интересовать создание экономических возможностей для преодоления отставания или, иначе говоря, выживания страны, сохранение российской государственности и суверенитета. Для того, чтобы понять это, достаточно посмотреть на карту и увидеть, что у России наиболее протяженные границы с наиболее опасными и непредсказуемыми регионами мира и в связи с этим оценить масштабы необходимых в ближайшие 10-12 лет затрат на вооруженные силы, жилищно-коммуальную инфраструктуру, медицину, образование, преодоление демографического кризиса, современное освоение Сибири и укрепление нашего экономического суверенитета на Дальнем Востоке.

В России же создан такой мутант рыночной экономики, который в принципе не в состоянии сейчас и не будет в состоянии никогда (если его не изменить коренным образом) решить или хотя бы облегчить решение вышеперечисленных задач. И в этом смысле прозвучавшая весной этого года завуалированная полемика между президентом и премьером по поводу неоправданной, по мнению президента, скромности и

«неамбициозности» правительственных прогнозов экономического роста на ближайшие годы в сущности означает (осознанное или неосознанное) политическое признание того факта, что рамки возможностей для экономического, а следовательно и социального прогресса в существующей системе очень и очень узки.

Выводы и постановка исследовательских задач.

Что делать в сложившейся ситуации; есть ли возможность выхода из заколдованного круга бедности, отсталой структуры и неэффективности? В принципе, да, но это предмет совершенно особого предметного и обстоятельного разговора. Что касается конкретных мер и подходов к отдельным областям и аспектам экономической политики, то я по мере своих сил пытался предлагать их в своих публичных выступлениях и интервью по различным конкретным поводам. Сегодня же я в силу поставленных рамок хотел бы ограничиться перечислением самых общих положений, так сказать политэкономического среза. В самом общем виде я бы сформулировал их следующим образом:

1) Необходима не просто активизация усилий, а смена общей концепции и приоритетов. Настоящая экономическая реформа, которая в России так еще и не произошла, должна начинаться с институциональных преобразований, в первую очередь с безусловного приоритета прав личности, включая право собственности, не зависящее от благоволения государства и власти. До тех пор, пока государство будет высокомерно относиться к правам и свободам граждан и полагать, в частности, что эти права могут ущемляться или произвольно «регулироваться» в соответствии с тем, как политики или правительственные чиновники понимают государственные интересы, большая часть хозяйственной деятельности экономических субъектов будет оставаться в «тени» неформальной экономики,

благо такая возможность в России в силу ее природных богатств и огромной территории является практически неограниченной.

2) Особенность институциональных реформ, направленных на создание эффективной рыночной системы, состоит в том, что, с одной стороны, государство должно взять на себя гораздо больше в части защиты и обеспечения личных прав и свобод, чем оно делает сегодня, а с другой – освободить граждан от своего навязчивого участия в ряде других вопросов. В сочетании этих двух вещей нет никакого противоречия, напротив, это единственный шанс на настоящее продвижение вперед. Эффективному рынку необходима бюрократия, но бюрократия в качестве слуги, а не хозяина. Без безусловного приоритета прав и свобод личности произволу бюрократии нет предела, и она превращается из слуги в господина, который душит легальную экономику и вынуждает хозяйствующих субъектов находить себе прибежище в крайне неэффективной неформальной экономике.

В отличие от США и от многих европейских стран, в России нет уходящей корнями в прошлое традиции индивидуальной свободы и местного самоуправления. Нет и судебной системы, которая могла бы противостоять давлению государства и произволу в хозяйственном регулировании, нарушениям фундаментальных экономических прав граждан. Поэтому политическая реформа, судебная реформа, развитие эффективного местного самоуправления, формирование гражданских политических партий и общественных объединений, безусловное соблюдение свободы средств массовой информации и развитие системы образования являются сегодня одновременно и первостепенной экономической задачей.

3) Естественное выздоровление экономики (при невмешательстве правительства, государства) в принципе возможно, но этот путь очень длинный, и достижение в конечном счете успеха отнюдь не гарантировано.

4) В экономике невозможно в любой момент остановиться и начать все сначала. У нас сформировалась определенная экономическая система со своими законами и определенным типом экономики. Это надо понять, признать и работать с тем, что есть, осуществляя решительные преобразования, но умно и осторожно, без разрушения существующих и худо-бедно, но действующих механизмов, считаясь в том числе и с их внутренними законами.

Итак, если попытаться в двух-трех предложениях подытожить все вышесказанное, то главный вывод можно сформулировать следующим образом

Крах советской системы, который был закономерным следствием ее экономической и политической неэффективности, не имел, да и не мог иметь своим автоматическим следствием формирование на ее месте эффективного и демократического по своей сути высокоразвитого рыночного хозяйства. Переломный момент давал России шанс встать на этот путь, но в силу ряда обстоятельств как субъективного, так и объективного свойства этот шанс в целом не был реализован. Вместо этого в стране сформировалась иная хозяйственная система, которая является капитализмом в привычном нам понимании этого слова, но лишена многих элементов и механизмов, отличающих экономику и общество развитых стран Запада. Наш капитализм, во-первых, лишен институционально-правового стержня, который принято обозначать термином «гражданское общество» и который, собственно, составляет главную отличительную характеристику современных развитых стран. А во-вторых, он находится на периферии мирового хозяйства и лишен механизма устойчивого самоподдерживающегося роста. Эта система достаточно жизнеспособна, она позволяет обществу выживать и даже в чем-то развиваться. Однако она в принципе не способна сократить отставание страны от группы мировых лидеров с точки зрения

эффективности экономики и благосостояния населения, а также обеспечить внутреннюю стабильность и моральное здоровье общества.

В такого рода системе нет уникальности – в ее условиях сегодня живет не меньше половины всего человечества. Вопрос лишь в том, устраивает ли такое положение активную часть общества. В нашем случае природные и исторические условия обуславливают возможность для элиты общества и в существующей системе обеспечить себе относительное благополучие и комфорт. Однако эти же самые условия превращают тяготы и противоречия, выпадающие на долю основной массы населения России, в серьезнейшие общественные проблемы, угрожающие выживанию российского государства и общества и даже представляющие нешуточные вызовы с точки зрения глобального миропорядка.

С этой точки зрения задача исследователей – экономистов и социологов – с одной стороны, честно проанализировать и описать возникшую у нас специфическую систему отношений со всеми ее внутренними дефектами и ограничителями, не закрывая глаза на связанные с нею опасности и риски, а с другой – попытаться нащупать возможности вывода страны на иную траекторию развития, не теряя при этом чувства реальности и связи с тем обществом, той экономикой, которые мы сегодня реально имеем. Самый общий рецепт – институциональные реформы, защита прав и свобод граждан, формирование цивилизованного бизнеса – более или менее очевиден, но недостаточен. Как этого добиться, какими мерами, на какие общественные силы опереться, какова при этом сравнительная эффективность возможных вариантов – вот в самом общем виде повестка для исследований, которые будут в наших сегодняшних условиях востребованы.

Спасибо за внимание. Готов ответить на ваши вопросы.